

Николай Лесков

Дама и фефёла

Николай Лесков
Дама и фефёла

«Public Domain»

1894

Лесков Н. С.

Дама и фефёла / Н. С. Лесков — «Public Domain», 1894

«Весною 1894 года один из известных русских писателей высказал несколько смелых мыслей о том, какие «подруги жизни» лучше для литератора – образованные или необразованные. Разбиралось и то, какие удобства и неудобства представляются литератору в сожительстве с женщиною образованною и что он может встретить с простою женщиною малого развития...»

Содержание

I	5
II	6
III	7
IV	8
V	9
VI	10
VII	12
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Николай Лесков

Дама и фефёла

(Из литературных воспоминаний)

*Ученик спросил мудрого: не знаю, жениться мне или нет?
Мудрец ему отвечивал: поступай как знаешь, – все равно
будешь раскаиваться.*

I

Весною 1894 года один из известных русских писателей высказал несколько смелых мыслей о том, какие «подруги жизни» лучше для литератора – образованные или необразованные. Разбиралось и то, какие удобства и неудобства представляются литератору в сожительстве с женщиною образованною и что он может встретить с простою женщиною малого развития. Предложенные вопросы, может быть, и несерьезны, но они не лишены своего интереса. К сожалению, возбудивший их автор почему-то, однако, не развил своих положений и не доказал их основательности. В другом бойком органе ему возражали и смешно и ехидно, но тоже не сказали ничего выясняющего дело. Верно, это так и должно быть, «чтобы всегда оставалось сказать о женщинах нечто новое» (Boufflers). Я тоже не имею ни малейшей претензии свести любопытный спор к какому-нибудь решительному заключению, но я хочу дать кстати подходящие иллюстрации, которые беру из моих воспоминаний о литераторской жизни.

II

Незадолго перед переходом «Отечественных записок» из рук Дудышкина и Краевского под редакцию Некрасова и Салтыкова в этом журнале работал один писатель, которого в нынешнем случае неудобно было бы называть по имени. В данном случае его имя и не важно, так как интерес представляет само положение лица и характер двух его подруг, из которых одна была «дама», а другая «фефёла». Дама была его «законная половина», а фефёла – его «беззаконница». Обе они имели для упоминаемого писателя очень серьезное значение во время его жизни и различно исполнили свое призвание к его потомству.

Я узнал этого человека в 1865 году, когда Дудышкин напечатал в «Отечественных записках» одну его статью, которая в публике многим понравилась и привлекла автору благорасположение обоих редакторов, то есть Ст. Сем. Дудышкина и А. А. Краевского. Писателю назначили плату по восемьдесят рублей «за статью», и это его повело к худу: он был совершенно счастлив и до того увлекся литературным успехом, что стал пренебрегать своими служебными обязанностями. Служба у него по его специальности была довольно сносная, и хотя она оплачивалась не щедро, а все-таки она обеспечивала его вернее, чем литература. Но с этих пор он службою не дорожил, а занятиям литературою предавался с неудержимой страстью. К деньгам вообще он был не только не жаден, но даже почти равнодушен и в употреблении их безрасчетлив. К тому же он был очень нетребователен и спартански прост в своих привычках. Как ни есть и где ни жить – это для него было все равно, лишь бы только у него не была отнята возможность высказывать то, о чем он думал и что признавал за нужное и полезное для общества. Каков бы он ни был по его значению в литературе, но по *характеру* это был настоящий литератор, которому, кроме того, что делается в литературе, все трын-трава. И его нельзя было ни отманить, ни отбить от литературы, хотя бы ему при ней пришлось умереть с голода. Такие люди тогда между писателями встречались не в редкость: некоторые из них так верили в высокое значение своего литературного призвания, что не считали за важное потерпеть ради идеи не только лишения, но даже и муки... Вдобавок к этому настроению писателя его посетило еще другое искушение: к нему начали писать сочувственные письма разные незнакомки, и женские письма расшевелили в нем влюбчивость и фантазии. Словом, успех совсем вскружил ему голову, а дамские письма даже начали портить его характер и мешали ему исполнять все его обязанности – служебные, литературные и супружеские, так как писатель, на его несчастье, тогда уже был женат, и супруга у него была с характером. Женился он, кажется, еще студентом, и во всяком случае гораздо ранее, чем прославился в писательстве, а поставил он себя дома так неудачно, что жена считала себя очень умною, а его называла «глупым» и никак не хотела верить тому, что он может «сочинить» что-нибудь стоящее внимания. Это его сердило и оскорбляло, и он старался изменить в жене такой неблагоприятный для него взгляд, но достичь этого не мог. Более всего жене писателя казалось невероятным, что он может что-нибудь понимать о супружеских обязанностях, а внимание посторонних дам к ее мужу ее раздражало и довело ее до такой ярости, что она от оскорблений на словах перешла к обидным действиям и явилась к А. А. Краевскому возвестить ему свою победу и выразить журналу порицание за то, что через его посредство у ее мужа «начались шашни с дамами».

А. А. Краевский выслушал ее, помычал и направил ее к Дудышкину, но сам встревожился, пробурчал несколько раз «бог с ней» и распорядился, чтоб ее к нему вперед не пускали.

III

Писатель был человек лет тридцати или тридцати двух, белокурый, маленького роста, очень слабый и нервный, с небольшими голубыми глазками и вихрястою шевелюрой. Нрав он имел добрый, но мелочный, раздражительный и, что называется, «петушливый». Бракосочетался он «по состраданию». Тогда такие благородные вещи тоже были в моде, и на них очень многие попались. Приятель мой был из числа этих счастливых и очень горько расплачивался за свое великодушие. Супруга его имела над ним самые разносторонние преимущества: по ее словам, она была старше его только на пять лет, но по виду надо было думать, что разница была гораздо серьезнее, а притом она была крепкая, сильная, очень предприимчивая и обладала счастливейшим женским талантом – не бояться никаких скандалов. Обладая такими боевыми свойствами, дама притом была также чрезвычайно неутомима как в натиске, так и в преследовании. Муж с женой едва ли не с первых же дней брака не поладили, и с тех пор они постоянно жили очень дурно, а по переезде их в Петербург жена постаралась устроить так, что это скоро сделалось известно всем в редакции. Прием, для этого употреблявшийся, был простой: дама, с виду очень образованная, сама приходила в редакцию или в контору и жаловалась на мужа всем: Дудышкину, Краевскому и т. д. до конторщика Боголюбова, который выдавал деньги. Дама делала это не только без малейшей застенчивости, но и без всякой нужды, просто как бы по влечению души. Впрочем, может быть, она имела какую-нибудь цель понизить акции своего мужа, представляя его смешным и пошлым. Скромность она не уважала и без всякого стыда рассказывала самые ужасные вещи о том, как грубо и бесцеремонно она обращается с мужем.

– Он хочет меня остановить жалкими словами, – говорила она. – *Mais c'est drôle!*¹ Как же он может на это надеяться, когда я ему уже давно сказала, что я никакого скандала не боюсь? *Je sais ce que j'ai faire!*²

Она, однако же, скоро всем надоела, и Дудышкин перестал ее принимать, так же как и Краевский, но в контору она еще являлась и срамила мужа как только находила возможным. Ей, конечно, не верили, но, однако, все-таки она повредила мужу уж одним тем, что сделала его смешным. Вдобавок она вооружила против него Краевского, которого она подстерегла раз на его пути от дома к Гимнастическому павильону и засыпала его претензиями, а когда он стал от нее убегать, повторяя: «Ей-богу, ей-богу, я болен и ничего не могу!» – она, не получив от него желаемого сочувствия, сказала ему вслух: «*Quel vieux idiot!*»³ – и бросилась в открытые двери Семионовской церкви, закричав с крыльца, что «проклянет его перед образом». Краевский, впрочем, на нее не сердился и не оробел от проклятия, а говорил вечером: «Бабы! я их знаю!» И он, кажется, действительно «знал баб», и потому в редакции дело писателя облаживалось хорошо, но не так это выходило в очах служебного начальства, к которому предприимчивая супруга тоже являлась и говорила там, что ее « *coquine-assiette*»⁴ не верит в бога и непочтительно говорит о таких и таких особах, чего-де она, как институтка, не может сносить и «доведед до сведения», потому что у нее есть дитя, которое надо воспитывать в добрых правилах.

– Да! *Je ne suis pas seule!*⁵

¹ Но это забавно! (франц.).

² Я знаю, что мне делать! (франц.).

³ Старый идиот! (франц.).

⁴ Блюдолиз, прихлебатель (франц.).

⁵ Я не одна! (франц.).

IV

Чего хотела достичь эта супруга, того она, кажется, и сама не знала. Определенно она стремилась только «получать его жалованье». Это она заимствовала где-то у жен фабричных рабочих, у которых мужья пропивают заработки. Хороший пример понравился ей: тогда любили «народное». Правда, ее муж не пропивал заработка, ну, а все-таки...

– Je ne suis pas seule! Сделайте милость!

Краевский приказал:

– Отдайте, отдайте!

Он знал женщин.

Муж как услышал об этих изветах, так и заболел; больной он остался совершенно беспомощен при своей беспощадной тиранке. Мы жили тогда неподалеку друг от друга у Таврического сада, где я живу тридцать лет, и я два раза навещил больного и видел его в ужасной обстановке: раз я застал его в комнате, напитанной самым невыносимым зловонием, а в другой раз в комнате было открыто окно, и на больного страшно дуло.

Я спросил его, для чего открыто это окно в такой холодный день?

А он покачал головою и отвечал мне:

– Ах, знаете, я боюсь отгадать, что для того, чтоб я скорее умер!

Я встал и закрыл окно, а как это произвело соответственный звук, который был слышен за стеною, то оттуда из другой комнаты послышался гадкий сдержанный смех. Затем я ушел, а больной вскоре поправился и, как ни в чем не бывало, пришел на редакционный вечер, который мне остался памятным по дебатированным тогда роковым вопросам о русском искусстве. Это было вскоре после достопамятной лекции, прочитанной в бывшем художественном клубе г-жою Якоби, которая тогда только что возвратилась в отечество и много сообщала о гарибальдийском движении, в котором она принимала живое участие и пользовалась приятною итальянского героя. Теперь, когда после этого прошло около тридцати пяти лет, очень трудно передать то оживление и симпатии, которые вызвала эта лекция, произнесенная женщиной, о которой тогда говорили очень много интересного. Художники не только аплодировали г-же Якоби, как даме, но и выражали настоящее удовольствие по поводу ее суждений о художественных вопросах. Тогда помощи для русского искусства искали повсюду и говорили то о профессоре Якоби, то о Микешине, которые тогда были в моде и наверняка могли «спасти русское искусство», а зауряд вспоминали и Петра Соколова, и Зичи, и Сверчкова, и Клевера. И, несмотря на то, что все эти уважаемые лица были напоены одним духом художников Александра и Дмитрия, о которых упоминается в книге «Деяний апостольских», тогда, однако, находились удивительные люди, которые умели что-то различать в них. Но нашлись, впрочем, и такие, которым лекция г-жи Якоби не понравилась, – не нравилась она и нашему писателю, которому было противно видеть вызванное ею возбуждение, и он захотел подвергнуть и лекцию и восторг слушателей критике. Статья о лекции в Троицком переулке должна была явиться в той книжке, которая уже набиралась, но она не явилась вовсе, и автор ее едва уцелел. В семействе критика произошли ужасные события.

V

Через два или три дня после лекции, поздно вечером, когда в Таврическом саду свистали соловьи и у частокола, ограждавшего сад, стояли в молчании и слушали певцов несколько любителей соловьиного пения, я увидел здесь воспоминаемого литератора. Он был чрезвычайно уныл, и вдобавок все его изнеможенное болезнью лицо было исцарапано и испачкано, а платье его было в сору и в пуху; очевидно, он был в большой переделке.

Я его тогда все-таки еще мало знал и заподозрил, не выпивши ли он, но это было напрасно. Жалостливый вид, в котором он слушал соловьев у частокола, был результатом того, что он в это время особенно сильно пострадал за свое пристрастие к литературным занятиям, и притом все в этот раз им написанное *было уничтожено*, а именно, статья о лекции в Троицком переулке была изорвана супругою писателя в клочки, а сам он оцарапан, облит чернилами, отлучен от домашнего очага и изгнан из дома с отображением от него часов и денег. Затем жена пригрозила ему, что она поедет к институтскому начальству и расскажет, какие у ее мужа понятия о самых священных предметах... А уж затем, разумеется, «ему покажут!».

Я пригласил его к себе переночевать, и он это принял, так как ему решительно нельзя было иначе устроиться. Он прозяб и был голоден и потому с аппетитом кушал чай с булками и при этом рассказал мне длинную историю своих многосторонних страданий от жены, и в этот раз он сообщил мне и некоторые подробности о ее происхождении: она была дворянка из южного края и окончила курс в одном из институтов, потом поссорилась с матерью и жила в Швейцарии и чему-то училась; после была гувернанткою, потом переводчицею и актрисою, — нигде не прижилась. На несчастье моего товарища, она показалась ему очень несчастною, и он на ней женился, а она потом в минуту нежности призналась ему, что «хотела в его лице отметить всем мужчинам за угнетение женщин». А в доказательство того, что это было серьезно, она немедленно же начала исполнять свою программу с такою последовательностью, что у бедняка отшибло память на очень важные случаи их семейной жизни. Она его так огорошила, что он все позабыл и пренаивно говорил о своем ребенке:

– Знаете, откуда он у нас взялся, — я этого, право, даже не могу себе представить.

Но возвратимся к порядку событий.

Пострадавший в эту пору был очень расстроен и не хотел возвращаться к своей мучительнице, а собирался жить от нее особо. Я по его просьбе ходил на следующий день к его жене для переговоров, не согласится ли она облегчить ему его домашнее положение или не признает ли за лучшее отпустить его на свободу за посильное вознаграждение? В особе этой я увидел женщину, очень некрасивую и пожилую, но смелую и бойкую и, без сомнения, способную на большие нахальства. В приемах у нее оставался какой-то след «гостинности», но перемешанный с самою резкою вульгарностью, или, лучше сказать, хамством. Художник мог бы взять ее за модель для изображения русской ассамблейной боярыни, которую культивирует император Петр Первый и с образовательною целью напоил вполпьяна и пустил срамословить. Кое-как, хоть клочками, я припоминаю нашу беседу.

VI

Дама встретила меня очень веселая, без малейшей застенчивости, и сама заговорила со мной, пересыпая русские слова французскими:

– Пожалуйста, пожалуйста! Dieu vous bénisse:⁶ я очень рада примирителю. Вы ведь пришли нас мирить? Садитесь, но помирить со мною кого бы то ни было очень трудно: я не из добрых, и особенно – извините! – я не люблю мужчин.

И, заявив о своей ненависти к мужчинам, она сейчас же упомянула и о том, что «перед нею за всех за них отвечает ее муж». Она весело расхохоталась и затем все время потешалась над своим мужем, рассказывая о нем дрянной и неприличный вздор, после чего тотчас же начинала злословить дам, писавших ему литературные письма, и называла их именами своего изобретения, как-то: «маркиза Дешкуранс», «баронесса Шлюхман» и «леди Кис-меквик» да две русские помещицы «Обнимайкина и Целовалкина», которых она «всех презирала», а сводила она все это к тому, что «все они дуры и муж ее смешон и решительно ни на что не годен, особливо vis-a-vis d'une femme».⁷ Для нее это, впрочем, tant mieux,⁸ потому что у нее другая натура, и она находит, что женщина должна быть выше природы, потому что природа – свинья.

– Кто любит свинство, тот и может признавать над собою власть природы, но для меня все это противно. Вы понимаете?

Я не понимал, и она поясняла:

– Все эти взгляды, и мины, и вздохи, и положения... словом, все это и прочее, что воспевают поэты – это отврат, все это c'est archibête!⁹

Поэтому я надеялся, что она довольно легко согласится разъехаться с своим супругом, но она, однако, требовала, чтоб ей за это дать как можно больше денег.

– Потому что у меня есть дитя. Вы понимаете? Je ne suis pas seule!

Мы поторговались, и она согласилась «получить», и *после того*, не иначе, она поедет на юг – на милый, теплый юг с этого противного, холодного севера.

– Le diable!¹⁰

Казалось, все было улажено, и дама даже сказала мне: «Le bon Dieu vous bénisse», и сейчас же переменялась: окончив деловой разговор, она призвала своего двухлетнего сына, много раз его повернула передо мною и начала его снаряжать на прогулку.

Тут я мог его разглядеть: это был болезненный, рахитический мальчик, с большими, почти бесцветными глазами, в которых выражался постоянный испуг, возбуждавший к нему сожаление. Его держала на руках свежая, белолиценькая и румяная девушка лет восемнадцати, с очень большими, как будто даже непропорционально большими серыми глазами и пристальным и добрым, но очень твердым взглядом (я описываю эту молодую «фефёлу» потому, что она не пройдет перед нами мельком, а у нее есть роль в моем воспоминании). Девушка, вероятно, недавно пришла из села и была очень застенчива, а дама находила удовольствие смущать ее стыдливость. Она подсмеивалась над ее свежестью и при мне нашла случай назвать ее несколько раз то «орлеанскую девственницей», то «деревенскую фефёлой», причем дама так разрезвилась, что повернула девушку перед собою и стала ее рекомендовать тоном французского панорамщика:

⁶ Бог вас благословит! (франц.).

⁷ Наедине с женщиной (франц.).

⁸ Тем лучше (франц.).

⁹ Это сверхглупо (франц.).

¹⁰ Черт побори! (франц.).

– Voilà Jeanne d'Arc, surnommée la Pucelle d'Orleans, héroïne. Extrêmement pieuse, il lui semblait entendre des voix, qui lui ordonnaient d'aller sauver... son maître.¹¹ – Дама рассмеялась и продолжала: – Без шуток, без шуток, эта девица очень одухотворена, и она видит вещие сны... да, да, да! И она часто плачет и даже иногда рыдает во сне... о моем супруге, а я ее бужу и посылаю на ветер... c'est bien comique!..¹² Потом я высылаю туда же этого дурака, которому дан дивный дар трогать и располагать к себе сердца дур, из коих вот первая... La voilà, фефёла и Pucelle!¹³

Название, выраженное по-французски, очевидно очень обижало девушку, и она, зардевшись, как вишня на солнце, сказала:

– Фефёла я – это точно, я простая девушка и никаких примеров не получила, а что другое вы меня называете, то это я совсем не понимаю.

Дама расхохоталась и передразнила:

– «Примеров не получи-ла», так иди с богом.

И, перекрестив несколько раз своего ребенка, сидевшего на левой руке девушки, дама подала ей в правую руку дождевой зонтик и пропела:

Voici qu'a tourne la guerre,
Quand Pucelle porle barnière!¹⁴

Затем она взяла девушку за плечи, повернула и, воскликнув: «Peste!»¹⁵ – выставила ее за дверь.

Девушка эта на вид была ни хороша, ни дурна и не казалась ни умною, ни глупою, а какова она была на самом деле, это увидим ниже.

Звали ее Прашею.

¹¹ Вот Жанна Д арк, прозванная Орлеанской Девственницей, героиня. Ей, в высшей степени набожной, казалось, что она слышит голоса, приказывающие ей идти спасать... своего господина (*франц.*).

¹² Это очень смешно! (*франц.*).

¹³ Вот она, фефёла и Девственница! (*франц.*).

¹⁴ Вот как оборачивается война, когда знамя несет Девственница! (*франц.*).

¹⁵ Черт возьми! (*франц.*).

VII

Супруги «разъехались». Совершилось это почти так, как часто делается, то есть «не без неприятностей», – ни смиренность мужа, ни французские ритуальщицы жены не устранили ссоры, и при самом последнем «adieu» дело не обошлось без участия «народных представителей» в лице двух дворников, которые при этом обнаружили непосредственное народное мироощущение. «Неприятность» поднялась было из-за маленькой книжной этажерки, которую тянули в две противоположные стороны до тех пор, пока она с треском распалась на свои составные части, и тогда те части, которые остались в руках дамы, полетели в лицо мужу.

Один из народных представителей был против этого и говорил, что «не надо скандалить, а надо разойтись чинно и благородно», но другой, напротив, находил, что это так и следует, и сказал: «Если не ссориться, так тогда зачем и расходиться?» Мне это показалось оригинально, и я после побеседовал с этим мыслителем, по выводам которого «в разврат идти» (то есть разлучаться) можно только «до того поругамшись, когда уже терпеть нельзя. Тогда и разводись. И тогда – поскандалить очень приятно, потому что вперед лучше и знаясь не захочешь».

Это рассуждение осталось у меня в памяти, и я не раз в жизни видел, что в нем есть основательность.

Но, как бы то ни было, супруги разлучились таким образом, что взволнованный и огорченный муж прошипел на пороге:

– Желаю вам всего лучшего!

А жена ему ответила:

– *Diable t'emporte!*¹⁶ – и заперла за ним дверь.

Ребенок остался при матери, и с ними же осталась и Праша. С неделю ее всякий день можно было встречать в Таврическом саду, где она возила в колясочке писательское дитя. Она хорошо берегла ребенка и очень сожалительно говорила об изгнанном хозяине.

¹⁶ Убирайся к черту! (франц.).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.